
Т Е О Р И Я Я З Ы К А

В.Т. Титов КВАНТИТАТИВНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

© 2001 г. В.Т. Титов

Воронежский государственный университет

Как известно, лексикология изучает лексический состав языков, в наиболее развитых и полно описанных языках измеряющийся сотнями тысяч единиц. В связи с этим встречаются высказывания о “бесконечном множестве” не только слов, но и “семантических групп слов” “в каждом языке” [17, 227], что с неизбежностью влечет пессимистические оценки возможности познания лексики как системы и даже сомнения в системности лексики. Полевая модель языка, различающая ядро языковых систем и периферию [12], подсказывает выход из казалось бы безвыходного положения. Общеизвестно, что ядро лексико-семантической системы составляют простые, непрямые, в иной терминологии – *корневые* слова – данного языка [14, 133]. В норме и пределе корневые слова равны корню за вычетом окончания. Следовательно, выявить ядро лексико-семантической системы данного языка – значит выявить корневые слова данного языка.

Романское языкознание имеет давние и богатые традиции [15; 5; 6; 1]. Существуют прекрасные этимологические и толковые словари романских языков [24; 21; 22; 25; 20; 26; 19]. Подробно исследована морфемика и корневой фонд романских языков [23]. При этом нельзя не отметить, что в большей своей части исследование романских корней проводилось в рамках компаративистики представителями младограмматического направления и относится к 19-ому – первой трети 20-ого века. Естественно, что имеющиеся результаты исследований неизбежно несут на се-

бе методологические следы той научной парадигмы, в которой они получены. Компаративисты этого периода интересовались корнями в двух аспектах: 1) в фонетическом – как материалом для фонетических сопоставлений и установления регулярных фонетических соответствий; 2) в семантическом – как материалом для лингво-палеонто-логических исследований (для получения информации о среде обитания и образе жизни древних индоевропейцев) [27]. Представления же о лексике как системе и тем более – о системе корней как ядре лексикона были им чужды.

В рамках современной научной парадигмы целенаправленного исследования романских корневых слов, насколько нам известно, не предпринималось.

Тем более отсутствуют попытки проанализировать корневой фонд романских языков в трех аспектах: 1) как основу категоризации внеязыковой действительности, и тем самым – основу лексико-семантической системы; 2) как динамическую систему, развивающуюся от латинского языка к современным литературным романским языкам; 3) как процесс дифференциации лексико-семантических систем романских языков.

В свете сказанного представляется целесообразным предложить взгляд на корневой фонд романских языков не просто как на набор алфавитно упорядоченных морфем, а как на самоорганизующуюся и саморегулирующуюся целостность – как на *ядро лексико-семантической системы языка*. Мы исходим из того, что важнейшие лексико-семантические оппо-

зиции языка задаются посредством оппозиций корневых морфем, и лишь затем этот “общий чертеж” лексико-семантической системы языка конкретизируется и обогащается словообразовательной системой (посредством аффиксальных морфем), морфологической системой (посредством флексий и артиклей) и фразеологической системой данного языка (посредством словосочетаний). Ср. близкую позицию А.А. Кретьева [7, 18].

Представляется необходимым терминологически обозначить специальный раздел лексикологии, который призван заниматься рассмотрением корневой системы каждого данного языка в рамках лексико-семантической системы и в интересах лексикологии. Этот раздел лексикологии мы предлагаем назвать РАДИКСОЛОГИЕЙ. В теоретическом отношении *радиксология* является, в первую очередь, *лексико-семантическим* учением о корнях, хотя, разумеется, привлекает и рассматривает в своих интересах *всю полноту информации* о корневых морфемах.

Как известно, любая система состоит из элементов и связей между ними. Элементами *радиксальной* системы языка являются корни, а связями, объединяющими их в систему, являются парадигматические и эпидигматические [18, 191] отношения между ними. При этом парадигматические отношения корней проявляются, главным образом, через их синтагматические отношения к другим типам морфем (суффиксам, префиксам, флексиям). Систему корней конкретного языка мы предлагаем называть *радиксарием* данного языка.

При исследовании *радиксария* романских языков мы исходим из тезиса, согласно которому познать лексико-семантическую систему языка – это прежде всего – минимизировать ее, но не произвольно, а с сохранением ее своеобразия, заключенного в важнейших существенных параметрах. Таким требованиям отвечают так называемые “малые” двуязычные словари, содержащие коммуникативно необходимое ядро словаря в объеме 10.000 ± 2.000 слов.

Источниками нашего исследования послужили следующие словари.

1. Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. **Латинско-русский словарь**. Ок. 13.000 слов. - М.: Флинта, Наука, 1998. – 376 с.

2. Красова Г.А., Дзаппи Г. **Итальянско-русский словарь**. Ок. 12.000 слов. - 3-ье изд., стер. - М.: Рус. яз., 1996. - 352 с.

3. **Испанско-русский и русско-испанский словарь для школьников**. – Киев: Логос, 1998. – 768 с. – (Серия «Словари для школьников»). ISBN 966-509-051-8 (11.000 слов в испанской части). Редактор В.П. Ховхун, отв. за выпуск. – В.В. Орехов. – С. 15-409.

4. Шалагина И.Н. **Карманный португальско-русский словарь**. 9.000 слов. - 3-ье изд., испр. и доп. - М.:Рус. яз., 1987. – 352 с.

5. Выгодская К.С., Долгополова О.Л. **Краткий французско-русский и русско-французский словарь**. Изд. девятое, стереотипное, М.: Советская энциклопедия, 1970. – (11.000 слов во французской части). – С. 9-310.

6. Андрианов Б.А. **Карманный румынско-русский словарь**. Ок. 8.000 слов, - 3-ье изд., испр. и доп. - М.: Сов. Энцикл., – 1964. – 316 с.

Если словари современных романских языков (2-6) относительно однородны, то латинско-русский словарь (1) требует специального комментария.

Этот словарь наиболее (из имеющихся латинско-русских словарей) близок по объему к остальным словарям, а также является наиболее современным из латинско-русских словарей такого объема.

Работа с данным словарем поставила целый ряд непростых проблем.

Первая проблема – техническая. Структура словарной статьи в данном словаре принципиально отлична от структуры словарных статей в двуязычных карманных словарях современных романских языков. В конечном итоге это объясняется тем, что словарь создан в традиции классической, а не современной лексикографии. В значительной степени различия этих лексикографий обусловлены различиями в объекте описания: классический латинский язык своей

сложной структурой значительно отличается от существенно редуцированных структур современных романских языков.

Вторая проблема – культурно-содержательная. Словари современных романских языков отражают материальную и культурную реальность современную пользователю и в силу этого почти не нуждаются в реально-историческом комментарии. Принципиально иная ситуация складывается в системе “латинско-русский словарь ↔ читатель (пользователь)”. Древний Рим и латинская культура отделены от носителя современного русского языка двумя тысячелетиями во времени и двумя тысячами километров в пространстве. Этим объясняется потребность мощного культурно-исторического комментария в словаре, предназначенного для чтения и понимания текстов классической латыни современными русскими учащимися (а именно им адресован данный словарь). Разумеется, среди этнонимов, гидронимов и прочих онимов, преобладают заимствования, не говоря уже о том, что имена собственные составляют особую, относительно автономную часть лексикона.

Третья проблема состоит в том, что данный словарь содержит лексику так называемой “средневековой” и даже “новой латыни”, которой, разумеется, не было в латыни классической. Как литературный язык классическая латынь не переставала использоваться вплоть до 18-ого века, а в обиходе католической церкви продолжает использоваться до сих пор. Кроме того, на классический латинский язык и в наше время могут делаться переводы. Например, в 1980-ые годы в Финляндии был осуществлен перевод “Калевалы” на латинский язык.

С точки зрения развития романских языков информация о средневековой и “новой” латыни является избыточной, если не дезориентирующей. В то же время “средневековая” и “новая” представлена в вокабулярах современных романских

языков и в этом качестве может быть учтена.

И все же важнейшую роль в формировании структуры лексикона играет древнейшая апеллятивная лексика. В соответствии с этим нами были выведены за рамки исследования все имена собственные и все онимы, представленные в латинско-русском словаре.

В результате такого сужения материала объем латинского словника сократился с 13.000 до 8.162 слов, т.е. стал фактически равен словникам других “малых” романско-русских словарей.

Весьма существенным представляется определение системного веса корней. Эту величину можно получить следующим образом: чем больше производных в данном ядре (равном “малому” словарю) имеет конкретный корень, тем больше его системный вес, тем важнее его роль в организации радикария и лексико-семантической системы данного языка в целом. Поскольку имманентным свойством лексико-семантической системы является полисемия, суммарная многозначность слов с данным корнем может быть привлечена для определения веса на правах косвенного показателя системного веса данного корня.

Строение языков мира показывает, что 1000 корней вполне достаточно для самого развитого литературного языка. Например, “в общенациональном китайском языке – *путунхуа* – 1324 разных слога...” при этом “каждый слог – звуковая оболочка морфемы или простого слова” [10, 225]; первоначальное количество корней в эсперанто – 927 [10, 594]; 223 наиболее употребительных корневых морфа в русском языке позволяют образовать более 20.000 слов [9, 1122]. Формальным параметрам лексики соответствуют и ее семантические параметры. Так, в тезаурусе Роже [28] все богатство английского языка организовано вокруг 990 семантических инвариантов (рубрик словаря). Из этого следует, что представительный *радикарий* (свод корневых морфем) любого языка может быть построен на базе 1000 наибо-

лее значимых в системном отношении корней.

Рассмотрим методы получения *радиксария* - ядра лексико-семантической системы

Один из них как бы очевиден: провести морфемное членение лексики и создать свод корневых морфем. Даже если вынести за скобки трудоёмкость этого процесса, требующего по несколько человеко-лет на каждый из языков, этот путь не гарантирует надежных результатов, поскольку принципы морфемного анализа и его отношение к словообразованию продолжают оставаться спорными и самым существенным образом сказываются на результатах морфемного и словообразовательного анализа материала конкретных языков. Можно сослаться на существенные различия в представлении корневого фонда в “Словообразовательном словаре современного русского языка” А.Н. Тихонова [16], “Морфемном словаре русского языка” А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой [9], “Русском деривационном словаре” Д.Ворта, А.Козака и Д.Джонсона [30], “Справочнике русских корней” Е.Волконской, М.Полторацкой [29] и учебном словаре З.А.Потихи [13], не говоря уже о более ранних работах.

Более реалистичным и, так сказать, технологичным, представляется иной подход, основанный на новых информационных технологиях и знаниях о закономерностях организации словаря, накопленных как традиционной лексикологией, так и лексикостатистикой – термин в узком понимании равный глоттохронологии М. Сводеша, а в широком – практически синонимичный термину *квантитативная лексикология*. В силу указанных причин именно этот термин и используется в данной работе.

Суть квантитативной лексикологии видится в следующем.

Квантитативная лексикология – не самоцель, а средство обнаружения факторов порядка в лексике, способ ранжирования ее по системной и функциональной значимости. Большинство современных лингвистов признает полевою организацию языка, предполагающую наличие ядра

и периферии. В связи с этим важнейшим аспектом квантитативной лингвистики является количественно и качественно обоснованная стратификация словаря на ядро и периферию.

Как показала в своей докторской диссертации А.И. Кузнецова [8], наиболее реалистичным подходом к лексике является многомерный, полипараметрический подход, при котором каждый из параметров позволяет выделить своё ядро и свою периферию. Количество же параметров, существенных для лексико-семантической системы, конечно и хорошо известно:

- 1) *функциональная активность* (употребительность),
- 2) *деривационная активность* (межсловная и внутрисловная продуктивность),
- 3) *синтагматическая активность* (широкая сочетаемость),
- 4) *парадигматическая поддержанность* (вхождение в многочисленные синонимические ряды).

Функциональная активность может быть получена из частотных словарей конкретного языка. Впрочем, именно частотные словари и заставляют вспомнить горький афоризм, согласно которому “есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика”. Как установил на материале русского языка В.В. Морковкин, частотность значительной части лексики, представленной в частотных словарях, оказывается неподтвержденной – т.е. уникальной для того или иного частотного словаря и только взаимоналожение целой серии частотных словарей одного языка позволяет получить относительно взвешенную и правдоподобную картину. Как видим, и в отношении данного параметра “лобовой” подход не является оптимальным.

Между тем реалистичное и взвешенное представление о **ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ** единиц словаря можно получить значительно проще.

Со времен Дж. К. Ципфа известно, что употребительность (частотность) слов обратно пропорциональна их длине: чем короче слово, тем (при прочих равных) чаще оно употребляется и наоборот, чем

чаще слово употребляется, тем короче оно становится. Средняя длина слова возрастает по мере убывания его средней употребительности. Следовательно, для того, чтобы отобрать тысячу наиболее употребительных слов, достаточно обратиться к тысяче наиболее коротких слов данного языка. Погрешность будет невелика.

Общеизвестно и то, что самыми употребительными в языке являются служебные слова, выполняющие морфологосинтаксические функции, следовательно, однобуквенные и двухбуквенные слова в своей массе можно исключить из рассмотрения, как не передающие лексического значения. Среди трёх- и четырехбуквенных слов количество служебных слов будет пренебрежимо малым.

Одно из возражений против принимаемого подхода может состоять в том, что мы исследуем романские языки в их письменной форме, которая, разумеется, не тождественна звуковой – истинному и первичному “телу” языка. Разумеется, для разных языков расхождение между звуками и буквами различно: в латинском оно минимально, во французском – максимально; и тем не менее погрешности, вносимые расхождением между звуковой (первичной) и зрительной (вторичной) субстанциями языка, не столь велики, а главное – не столь хаотичны, чтобы их нельзя было, так сказать, “вынести за скобки”. Дело в том, что все романские языки имеют фонематично ориентированное письмо в том смысле, что корреляции между числом букв в слове и числом фонем в нем имеют устойчивый, если не сказать – непоколебимый – характер. А поскольку для нас важны не абсолютные числа, а ранги, порядки, рассматриваемые как веса, зазор между фонемами и буквами не способен повлиять на общие результаты исследования. Таким образом, мы – с учетом всех сделанных оговорок – можем утверждать, что *между длиной слова в буквах и его употребительностью существует обратная зависимость*.

Для того чтобы выделить наиболее употребительную лексику в данном языке (функционально активное ядро), достаточно определить среднюю длину слова в бу-

квах и взять те слова, длина которых меньше средней длины слов, представленных в словаре данного языка (точнее – первую тысячу наиболее коротких слов).

ДЕРИВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ представляет собой второй параметр, по которому характеризуется ядерная (корневая) лексика данного языка.

Поскольку корни и корневые слова обладают планом содержания и планом выражения, продуктивностью обладают оба их плана: межсловная продуктивность – словообразование, аффиксация и внутрисловная продуктивность – многозначность, полисемия. Как показали, исследования, выполненные на материале русского языка, между той и другой имеются расхождения, которые, однако, вряд ли можно называть принципиальными.

Иными словами, *количество значений у слова в словаре может быть надежным показателем его деривационной активности*. В случае необходимости, вызванной сомнениями или колебаниями, внутрисловная деривационная активность может быть подкреплена межсловной – количеством слов, содержащих ту или иную последовательность букв (равную корневой морфеме) в конкретном словаре данного языка.

Таким образом, чтобы выделить ядро словаря по признаку деривационной активности, достаточно определить среднее количество значений, приходящееся на слово в данном словаре, и взять те слова, у которых количество значений превышает среднее. Учитывая априорное ограничение лексического ядра 1000 единиц, для выделения продуктивного ядра словаря необходимо отобрать первую 1000 наиболее многозначных слов.

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ

АКТИВНОСТЬ (широта сочетаемости) для лексики важна не сама по себе, а как показатель широты и простоты семантики, отличающей корневые, непрямые слова, от производных.

Как известно, чем проще (абстрактней) семантика слова, тем шире его сочетаемость. Ср. у Д.Н. Шмелева: *“степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы нахо-*

дится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости” [18, 190]. На материале глаголов созидания и разрушения русского языка эта закономерность исследовалась О. Н. Анищевой [2].

Источником непосредственных, прямых данных о широте сочетаемости в языке являются словари сочетаемости. Между тем романская лексикография как целое пока не обеспечена словарями этого типа, или – выражаясь более дипломатично – обеспечена в недостаточной степени.

Это обстоятельство заставляет нас и в данном случае искать возможности косвенной оценки интересующего нас параметра.

Активность синтагматики по данным двуязычного словаря может быть оценена двумя способами.

Во-первых, количеством фразеосочетаний с данным словом, т.к. известно: чем шире синтагматика слова, тем больше фразеосочетаний образуется с его участием. Кроме того, посредством богатства фразеологии маркируются концепты, значимые в культуре данного этноса. Таким образом, отбор 1000 слов, наиболее богатых фразеосочетаниями позволяет выделить ядро синтагматически активных (и притом культурно значимых) слов.

Во-вторых, мерой простоты семантики данного слова может выступать количество русских слов, употребляемых в толковании данного романского слова. Чем больше слов требуется для толкования значения, тем оно сложнее, уже, неэлементарнее. Чем меньше слов для этого требуется, тем проще и шире значение данного слова. Правда, при этом следует принимать во внимание специфику двуязычных словарей: в них количество слов в толковании одновременно является мерой национальной специфичности слов входного языка. Чем меньше слов выходного языка требуется для толкования, тем ниже национальная специфика семантики данного слова входного языка. И наоборот, чем больше слов выходного языка требуется для толкования значения входного слова, тем выше национальная специфика концепта, стоящего за словом входного языка.

Таким образом, отобрав первую тысячу романских слов, толкуемых одним русским словом, мы получим ядро слов не только с простейшей семантикой, но и обладающих наименьшей национальной спецификой относительно русского языка. Учитывая, что русский язык, как и романские, входит в семью индоевропейских языков, лексика, не имеющая национальной специфики, с необходимостью окажется связанной с понятиями, общими для романских и славянских языков и восходящими к праиндоевропейскому языку как языку-предку. Таким образом, в данной тысяче окажутся не просто слова с элементарной семантикой, а древнейшие слова, отражающие важнейшие и в силу этого – наиболее устойчивые, исконные для индоевропейцев понятия.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖАННОСТЬ

(вхождение в многочленные синонимические ряды) является важным системным показателем. Непосредственно эта информация могла бы быть получена в результате обработки словарей синонимов романских языков. Однако имеющиеся словари синонимов романских языков различаются многими весьма существенными параметрами: полнотой охвата лексики, типом и разнообразием информации о синонимах, содержащейся в словарях, и самое главное – самим пониманием синонимии, отнюдь не единым на пространстве романской лексикографии. Всё это делает не просто невозможным, а *нецелесообразным* обращение к словарям синонимов романских языков в рамках данного исследования.

Информация о парадигматической поддержанности слов может быть извлечена из двуязычных словарей только в последнюю очередь, так сказать, постфактум. После того, как мы очертили круг в 1000 корневых слов, мы можем оценить их парадигматическую поддержанность и исключить те из слов, которые такой поддержанностью – на пространстве словаря – не обладают. Есть и более простой способ – обработать дефиниции (метаязыковую часть двуязычного словаря) и отобрать первую тысячу наиболее употребительных слов русского языка, употребляющихся в

дефинициях, а затем – через них получить информацию о синонимических рядах входного языка и отобрать те слова, которые являются доминантами наиболее многочисленных синонимических рядов.

Парадигматическая поддержанность является важным системным фактором. Из системологии известно, что наиболее важные части системы многократно дублируются, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование системы в любых условиях. Наличие синонимического ряда свидетельствует об особой значимости концепта в лексико-семантической системе данного языка и шире - в данной культуре.

Таким образом, в результате осуществления описанной программы обследования входного языка мы получаем 5-6 множеств мощностью около 1000 единиц каждое. Операции над этими множествами позволяют получить два ядра: большое, представленное единицами, входящими не менее чем в одно из ядер (результат сложения множеств), и малое, представленное единицами, входящими во все (результат пересечения множеств) ядра. Выделение малого ядра и является самым главным результатом, который можно получить с помощью количественной лексикологии. На этом количественная лексикология слагает свои полномочия, предоставляя качественной лексикологии материал, готовый к дальнейшему анализу.

Информативность количественной лексикологии многократно повышается, если мы анализируем не один язык, а группу родственных языков. Сопоставление группы родственных языков по единым параметрам в рамках исследования, строящегося на единых принципах и подходах, дает возможность обнаружить сходства и различия в романских языках не фрагментарно (как, например, у В. В. Макарова, рассмотревшего в своей докторской диссертации романские глаголы физического восприятия [11]), а на массовом материале, минимизированном таким образом, чтобы при этом удерживать важнейшие, существеннейшие черты лексико-семантической системы каждого из романских языков. Тем самым на новый

уровень переходит решение проблемы *лексико-семантической дифференциации романских языков* [3; 4], исследованной — по сравнению с фонетической и морфологической дифференциацией — явно недостаточно.

Реализация проекта “Количественная лексикология романских языков” сделает не просто возможным, а внутренне необходимым переход к “Качественной лексикологии романских языков” - моделированию и сопоставлению лексико-семантических систем романских языков, что, в свою очередь, открывает путь к становлению сопоставительной лексикологии языков мира, как строгой научной дисциплины, ни в чем не уступающей фонологии и морфологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию, 2-е изд. - М., 1987.
2. Анищева О.В. Типология объектной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1981. – 20 с.
3. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. (Романские языки). - М.: Наука, 1963.
4. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. - М.: Наука, 1985.
5. Бурсье Э. Основы романского языкознания. - М., 1952.
6. Йордан Й. Романское языкознание: Историческое развитие, течения, методы, пер. с рум. С.Г. Бережан и И.Ф. Мокряк /Под ред. и с прим. Н.Г. Корлэтяну; предисл. Р.А. Будагова, - М.: Прогресс, 1971. – 620.
7. Кретов А.А. Термины родства в русском и малагасийском языках // Семантическая специфика национальных языковых систем. - Воронеж, 1985, с. 16-18.
8. Кузнецова А.И. Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики: на материале русско-

- го языка. Автореф. ... докт. филол. наук, М., 1988. - 38 с.
9. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов. - М.: Рус. яз., 1986. - 1136 с.
10. ЛЭС-1990 Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н. Ярцева, - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 685 с.: ил.
11. Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. - Минск, 1972. - 383 с.
12. Полевые структуры в системе языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. - 198 с.
13. Потиха З.А. Строение русского слова: Учебный словарь для зарубежных школ. М.: Русский язык, 1981.
14. Реформатский А.А. Введение в языковедение /Под ред. В.А. Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 536 с.
15. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. - М., 1952.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь современного русского языка, 1985.
17. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М.: Наука, 1982.
18. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). - М.: Наука, 1973.
19. Dicționarul limbii române, t.1-10, București, 1913-1987.
20. Dizionario moderno della lingua italiana, Milano, 1984.
21. Ernout A., Meillet A., Dictionnaire étymologique de la langue latine, histoire des mots, 4 éd., Paris, 1959.
22. Grand Larousse de la Langue française en sept Volumes. - Paris: Larousse, 1986.
23. Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd 1-4, Leipzig 1890-1902.
24. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch, 3 Auflage, Heidelberg, 1935.
25. Moliner M. Diccionario de uso del español, v.1-2, Madrid, 1966-1967.
26. Morais Silva A. de, Novo dicionário compacto da língua portuguesa, v.1-5, [Lisboa], 1980.
27. Pictet A., Les origines indo-européennes, I-II, Paris, 1859-1863.
28. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases /by Susan m. Lloyd/ Penguin books, 1986. - 776 + XIV p.
29. Wolkonsky, Catherine A. and Poltoratzky, Marianna A. Handbook of Russian roots. - New York: Columbia University Press, 1961. - XXVI+414 pp.
30. Worth, Dean S., Kozak, Andrew S., Johnson, Donald B. Russian derivational dictionary. New York: American Elsevier Publishing Company, Inc., 1970. - XXIV + 747 pp.